

Р.С. Смищенко

А.П. Щапов как инициатор народнической тенденции в отечественной историографии второй половины XIX в

Русская историография пореформенного периода стремилась дать ответ на запросы нового времени: глубже обосновать роль самодержавия в отечественной истории, ответить на вопрос о месте народа в ней и т.п. Развитие народнического направления было неразрывно связано с научной деятельностью историка Афанасия Прокопьевича Щапова (1831 – 1876). Профессионализм ученого обусловил дисциплинарную чистоту развиваемой им научной схемы, поэтому исследование исторической концепции Щапова в контексте отечественной историографии позволяет выявить подлинную суть народничества, искажённую марксистской исторической наукой.

В марксистской историографии замалчивалась ключевая роль А.П. Щапова в разработке народнической концепции русской истории. Взгляд на данный вопрос упрощался, так как народничество идейно противостояло марксизму и заслуживало лишь осуждения. Концептуальная схема, разработанная на протяжении 50-80-х гг. П.И. Кабановым, Г.Н. Вульфсоном и другими имела цель раскрыть якобы присущий взглядам А.П. Щапова «революционный демократизм» [1, с. 75; 2, с. 19]. Сомнения относительно принадлежности Щапова к народничеству были надуманными. От сочинений историка не веяло духом «классовой борьбы».

Одновременно развивалось и более реалистическое направление. Особый интерес в связи с этим представляет позиция А.Н. Цамутали. По его мнению, советские исследователи никак не связывали творчество А.П. Щапова с народнической концепцией, «а только обращали внимание на его идейную направленность против апологии самодержавия» [3, с. 100]. Тенденцию, заложенную Цамутали, воплотил в начале 90-х гг. историк А.С. Маджаров. Исследователь обоснованно называет воззрения Щапова «наиболее прямым и полным теоретическим источником народничества 70-х гг.» [4, с. 48].

В основе одного из ключевых щаповских понятий «народность» лежала мысль о значении общества как главной движущей силы

истории. Следует подчеркнуть, что «народ» и «общество» – понятия для Щапова тождественные. Как полагает исследователь: «деятельность народа и есть сама история, её сущность и содержание» [5, с. 16]. Данный тезис Щапов подробно развернул, анализируя диалектику противоречивых взаимоотношений государства и общества в отечественной истории.

В соответствии с вышеизложенным автор статьи ставит цель раскрыть роль Щапова в разработке народнической концепции отечественной истории. С народнической точки зрения, государство должно соответствовать постоянно растущему, развивающемуся в политическом отношении обществу, а не сковывать его развитие «железным обручем» всеподавляющей власти. Именно такой являлась реальная политическая ситуация в нашей стране на протяжении многих столетий. С давних пор в России стало естественным явление, когда не общественное мнение определяет государственную политику, а наоборот, тенденция тоталитаризма постоянно формирует (и даже деформирует) народное сознание. По обоснованному мнению Щапова, «государственная опека имела существенной своей задачей не свободное развитие русской мысли, а регулирование её казёнными средствами и учреждениями» [6, с. 753]. Смысл народничества в том и заключался, чтобы в отечественной истории показать приоритет живой народной инициативы, общественного (земского) самоуправления.

Народнические взгляды А.П. Щапова стали серьёзным противовесом для идей западников, склонных к государственничеству. Историк справедливо считал, что западническое направление игнорирует историческое значение русского социума как «живой, внутренне-самозаконной, самоопределяемой силы» [7, с. 5]. В этом отношении дореволюционный историк Н.Я. Аристов поставил проблему соотношения творчества А.П. Щапова и славянофилов, не решённую и ныне: «Горячее сочувствие к русской народности, изучение родной старины, проповедуемые славянофилами, окончательно ут-

вердили Шапова на пути изучения своеобразного мира русской народной жизни» [8, с. 30].

Облик исторической концепции Шапова формировался по пути отрицания схемы государственной школы (С.М. Соловьёв, Б.Н. Чичерин и др.), которая сводила историю отечества к истории государства. О деятельности народных масс упоминалось как о второстепенном элементе исторического процесса.

С точки зрения С.М. Соловьёва, развитие общества возможно только тогда, когда «государственная централизация восполняет недостаток внутренней его связи». Следовательно, государственное влияние «благодетельно и необходимо для общества» [9, с. 127]. Однако вся проблема, на мой взгляд, состоит в мере этой «опеки». Если её слишком много, то общество теряет своё вполне самостоятельное развитие. В данном моменте проявился порок государственничества – апология имперского сверхцентрализма. Сибирский областник XIX в. С.С. Шашков одним из первых отметил, что А.П. Шапов «в исторических актах и грамотах главное внимание обращал на то, о чём били челом ... а Соловьёв – о чём приказали» [10, с. 29].

Шаповская концепция занимает самостоятельное место в науке наряду с костомаровской, хотя они во многом совпадают. Н.И. Костомаров выдвигал на первый план этнический фактор. Русский народ, по его оценке, издревле разделялся на «народцы», т.е. на носителей названия, обычаев и особой генеалогии. Каждую политическую единицу, «совмещавшую в себе народное самоуправление», составляло отдельное этническое образование [11, с. 134]. На страницах сочинений Костомарова много имён, героев. В исследованиях Шапова один герой – безымянная масса народа. Н.И. Костомаров больше пишет о политической истории, А.П. Шапов – о социальной.

Последний рассматривает историю в контексте вольно-народной колонизации (освоения) земли русской, создавшей демократические самоуправленческие общины (городские веча, сельские миры). «Общинное устройство, как подчёркивает историк, – есть социальная и политическая связь русского народа, ему он обязан энергией, с которой мог сопротивляться произволу со стороны верховной власти» [12, с. 666]. В

противовес правительственной регламентации народ вырабатывал свои формы общественной жизни. «Мир в общинах, – указывает А.П. Шапов, – был полноправный государь, который разрабатывал законы в соответствии с народными обычаями» [13, с. 768]. Поэтому коренная причина крупных общественных катастроф (например, Смута) состояла в конфликте государственности и народности.

Однако в своих работах «Земство и раскол» (1862), «Новая эра. На рубеже двух тысячелетий» (1863) и других А.П. Шапов выступает противником не государства вообще, а государства самодержавного, сверхцентрализованного. В этом смысле он – сторонник центральной власти как подлинного регулятора внутренних проблем земского развития, способного значительным объёмом общенациональных функций «примирять между собой все разрозненные народные согласия» [7, с. 16]. Историк-государственники необоснованно считали таким регулятором Российскую империю.

Всякая единая власть была ненавистна для самоуправленческих общин, поскольку «мощь, энергия свободной народной жизни не терпела насилия и произвола» [14, с. 452]. Традиция созыва Земских соборов вплоть до середины XVII в. была свидетельством политического компромисса между государственной властью и народным волеизъявлением. Именно Земскими соборами закладывается первооснова прогрессивной общенациональной консолидации. «На Земском соборе, – указывает Шапов, – виден и слышен был сам народ, на службу которому сложилось государство, высказывалась здравая, естественная способность общества к свободе» [5, с. 6]. Поэтому тенденция политической централизации XV-XVII в.в. проявилась, по мысли А.П. Шапова, благодаря стремлению народа объединиться в одно государство, осознанию им своего национального единства [5, с. 22]. Однако с середины XVII в. верховная власть начала постепенно прибирать к рукам всю «народную волю». Московская, а затем и петербургская централизации как явления, враждебные исконным началам общественной жизни, последовательно и дотла разрушили формы «народосоветия» [5, с. 28]. Возобладал скрытый для народа механизм нового имперского законодательства. С помо-

щью бюрократической машины государство перешло к окончательной регламентации народной жизни. Тенденция имперского тотального всевластия особенно отчётливо проявилась при Петре I. «В начале XVIII в., – пишет А.П. Щапов, – правительство уже не знало народа, над которым держало деспотическую опеку» [14, с. 507]. Стремление методами полицейского давления изменить традиционный уклад жизни и убеждений общества вызвало массовый протест. Жизнь значительной части народа начинает выражаться в бегстве от «государева тягла». Как отмечал Щапов, возникла так называемая партия «бегунов» (раскольников), учение которой олицетворяло собой всецелое отрицание основных начал имперской системы, «всеобщую брань народа с чуждым для него государством» [5, с. 27].

По обоснованному мнению А.П. Щапова, необходимо вернуться к истокам «народной правды». Реальность данного намерения он видел в том, что «доселе сохранились корни народных начал: община, артель и пр.» [15, с. 760], т.е. мелкие земские единицы, не подорванные до конца империей. Земская деятельность оставила о себе память в истории как поучительная школа социальной инициативы. Утверждения Щапова о суверенности общества, его свободе выбора той или иной формы правления логически привели историка к идее народовластия. «Только выборные, излюбленные обществами Советы городов и сёл, – подчёркивает он, – могут заведовать делами народными, контроль приказных властей тут все не у места» [16, с. 297].

Таким образом, в научно-творческой деятельности русского историка А.П. Щапова обозначилось совершенно новое направление, в котором народ заявил о себе не просто как объект исследования, а как главная движущая сила истории. Существенным вкладом Щапова в историческую науку является привлечение следующих ценностей: народное право, прямая выборность общественных лиц на государственные должности и т.д. Выдающийся историк-демократ создал целую школу, учениками которой стали, например, Н.Я. Аристов [17], В.И. Семевский [18], А.С. Пругавин [19], С.П. Мельгунов [20] и многие другие. «В последнее время, – писал Н.Я. Аристов в самом конце XIX века, – мы осознали, что в истории на первом плане должна быть жизнь народная, с её проявлением, развитием, со всеми особенностями» [8, с. 203]. Однако корень проблемы заключается в том, что имперской власти всегда претила народническая идея. Любому государству свойственна так или иначе апология этатизма, которая выражает политическую волю верховного всевластия, стремящегося к самосохранению. Отсюда и стремление изжить данную альтернативу сначала в дореволюционный, а затем и в советский период. Поэтому укоренившийся в отечественной исторической науке односторонний государственно-исторический подход, принижающий значимость историко-демократического течения второй половины XIX в., нуждается в серьёзном критическом переосмыслении.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кабанов П.И. Общественно-политические и исторические взгляды А.П. Щапова. М., 1954.
2. Вульфсон Г.Н. Глашатай свободы. Казань, 1984.
3. Цамутали А.Н. Очерки демократического направления в русской историографии 60-70-х гг. XIX века. Л., 1971.
4. Маджаров А.С. Эволюция демократического направления в русской историографии 50-70-х гг. XIX века. Иркутск, 1994.
5. Щапов А.П. Общий взгляд на историю великорусского народа // Известия общества

- археологии, истории и этнографии при Казанском гос. университете. Т. XXXIII. Казань, 1926..
6. Щапов А.П. Земство // Собр. соч. Т. I. Спб., 1906.
7. Щапов А.П. Новая эра. На рубеже двух тысячелетий // Собр. соч. Доп. том. Иркутск, 1937.
8. Аристов Н.Я. Афанасий Прокопьевич Щапов. Спб., 1883.
9. Соловьёв С.М. Об истории России с древнейших времён. М., 1992.

10. Шашков С.С. Биография А.П. Шапова // Новое время. 1876. N 196.

11. Костомаров Н.И. Раскол. М., 1994.

12. Шапов А.П. Сибирское общество до Сперанского // Собр. соч. Т. III. Спб., 1908.

13. Шапов А.П. Сельский мир и мирской сход // Собр. соч. Т. I. Спб., 1906.

14. Шапов А.П. Земство и раскол // Собр. соч. Т. I. Спб., 1906.

15. Шапов А.П. Сельская община // Собр. соч. Т. I. Спб., 1906.

16. Шапов А.П. Городской мирской сход // Собр. соч. Т. I. Спб., 1906.

17. Аристов Н.Я. Устройство раскольничьих общин // Библиотека для чтения. 1863. N 7.

18. Семевский В.И. Рабочие на сибирских золотых промыслах. От начала золотопромышленности в Сибири до 1870 г. Т. I-II. Спб., 1898.

19. Пругавин А.С. Раскол и сектанство в русской народной жизни. М., 1905.

20. Мельгунов С.П. Из истории общественных движений. Старообрядчество. Сектанство. М., 1919.